

Нет автора

Славянское обозрение

Год 1-й. Том 2. Книга 5-8

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Славянское обозрение: Год 1-й. Том 2. Книга 5-8 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 604 с.

ISBN 978-5-458-02995-7

ISBN 978-5-458-02995-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ
(1804—1860)

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ

(Съ портретомъ)

А. С. Хомяковъ принадлежитъ въ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, на которыхъ, по мѣткому выраженію М. П. Погодина, «отдыхаетъ взоръ, о которыхъ сладко бываетъ думать, которые однимъ именемъ своимъ доставляютъ утѣшеніе». Дѣйствительно, по силѣ природныхъ дарованій, по глубинѣ и всесторонности ихъ развитія, наконецъ по характеру нравственной личности, Хомяковъ представляетъ явленіе исключительное, во многихъ отношеніяхъ феноменальное.

По единогласному свидѣтельству современниковъ, Хомяковъ надѣленъ былъ отъ природы прежде всего изумительною памятью. Что разъ воснулось его сознанія, то навсегда напечатлѣвалось въ его памяти почти съ стенографическою точностью. А. И. Кошелевъ рассказываетъ, что однажды, въ богословскомъ спорѣ съ И. В. Кирѣевскимъ, Хомяковъ сослался на одно мѣсто въ твореніяхъ св. Кирилла Іерусалимскаго, которыя онъ читалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ библіотекѣ Троицкой лавры и которыя только тамъ и имѣлись. Кирѣевскій усомнился въ вѣрности цитаты и сказалъ Хомякову въ шутку: «Ты любишь ссылаться на такія книги, по которымъ тебя нельзя провѣрить». Хомяковъ указалъ почти страницу, 11 или 13, и мѣсто на той страницѣ (въ серединѣ), гдѣ находился сдѣланный имъ цитать. По наведенной справкѣ, ссылка его оказалась совершенно вѣрною. При такой памяти Хомяковъ обладалъ способностью въ непродолжительный срокъ овладѣвать самымъ сложнымъ пред-

метомъ. Однажды онъ увидѣлъ у Кошелева на столѣ три-четыре книги, только что купленные и взялъ ихъ на одну ночь. На слѣдующее утро книги были возвращены; и когда послѣ, мѣсяцъ спустя, «я, говоритъ Кошелевъ, ихъ прочелъ и вздумалъ экзаменовать моего скорочеца, то убѣдился, что онъ въ одну ночь внимательнѣе ихъ прочелъ, чѣмъ я втеченіе цѣлаго мѣсяца».

У людей, владѣющихъ большою памятью, часто слабо бываетъ развита способность къ тонкостямъ апіорического мышленія. У Хомякова было наоборотъ: глубина анализа, высота и широта полета апіорической мысли давали себя чувствовать и въ его сочиненіяхъ и особенно въ его устныхъ разговорахъ и спорахъ, гдѣ его блестящая діалектика не встрѣчала ничего себѣ равнаго. «Для А. С. Хомякова, говоритъ Ѡ. И. Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, разговаривать значило вести диспутъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ неукротимый боецъ». «Споръ, замѣчаетъ Погодинъ, — это была стихія Хомякова: въ спорѣ, чѣмъ онъ былъ смѣлѣе, опаснѣе, тѣмъ болѣе возбуждалась его творческая сила, и слѣдовать за нимъ, особенно когда онъ былъ, что называется, въ ударѣ, было высокое психологическое наслажденіе». Герценъ, самъ обладавшій блестящими діалектическими способностями, послѣ одного спора съ Хомяковымъ по философіи, занесъ въ свой дневникъ слѣдующую замѣтку: «Удивительный даръ логической фастинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту *aggrège pensèe*, въ которой идетъ. Необыкновенная способность!» Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Герценъ, сравнивая Хомякова съ Ильей Муромцемъ, замѣчаетъ: «Боецъ безъ усталости и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ островами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя было,—словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику—логика прочь». Особенно сильное впечатлѣніе производилъ Хомяковъ на слушателей, когда онъ говорилъ о предметѣ близкомъ его сердцу. «Когда, свидѣтельствуется Кошелевъ, онъ говорилъ о Христѣ и его ученіи, о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ и церквахъ, и о судьбѣ христіанства въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ,—тогда въ словахъ его была какая-то сила необычайная, возбуждавшая въ слушателяхъ понятіе о дѣятельности апостольской».

Самъ Хомяковъ хорошо сознавалъ силу своего слова: «Изустное слово, замѣчаетъ онъ, плодотворнѣе писаннаго; оно живить слушающаго и еще болѣе говорящаго; чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова, произнесенныя и слышанныя, коренистѣе словъ писанныхъ и читанныхъ».

Блестящія природныя дарованія, при сильно-развитой любознательности, дали возможность Хомякову достигнуть, какъ выражается Герценъ, «страшной эрудиціи». Важнымъ подспорьемъ ему въ этомъ случаѣ послужило превосходное знаніе языковъ. Онъ вполне владѣлъ тремя новыми языками, причемъ по-англійски писалъ и говорилъ какъ настоящій англичанинъ; очень рано овладѣлъ классическими языками, такъ что еще будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, перевелъ Тацитову Германію. Хомяковъ былъ также замѣчательнымъ знатокомъ санскритскаго языка, и еще въ 30-хъ годахъ, какъ самъ признавался А. Ѳ. Гильфердингу, онъ «читалъ и свободно изъяснялъ Ригъ-Веду, одну изъ труднѣйшихъ книгъ древнихъ индусовъ». Нашъ извѣстный санскритологъ, К. А. Коссовичъ, основаніями своего ученаго образованія считалъ себя обязаннымъ Хомякову. Мало того. Хомяковъ, скажемъ словами Гильфердинга, «независимо отъ изученія санскритскаго языка и другихъ арійскихъ вѣтвей, усвоилъ себѣ главныя основанія еврейскаго; онъ изучилъ остатки финикійскаго языка; многія страницы его великаго историческаго творенія (такъ называемой «Семирамиды») свидѣлствуютъ, что онъ старался проникнуть въ сущность даже отдаленныхъ языковъ Азіи и Африки». Результатомъ специально лингвистическихъ занятій Хомякова было его «Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими», напечатанное въ IV т. Извѣстій II Отд. Акад. Наукъ. Но это сочиненіе, по увѣренію Гильфердинга, есть лишь «малая частица того огромнаго лингвистическаго матеріала, который онъ переработалъ. Матеріалъ этотъ такъ великъ, такъ разнообразенъ, что на переработку его потребовался бы для другого чловѣка усидчивый трудъ цѣлой жизни, специально посвященный филологическимъ изысканіямъ. У Хомякова такая работа совмѣщалась съ самою разностороннею дѣятельностью по множеству другихъ наукъ, и грузъ лингвистическаго матеріала не подавлялъ въ этомъ дивномъ чловѣкѣ живости художественнаго творчества, не заглушалъ въ немъ чуткости къ

современнымъ вопросамъ общества и человѣчества... У Хомякова лингвистика была знаніемъ живымъ; онъ сознавалъ живую сторону лингвистики въ то время, когда эта наука едва начала терять въ Европѣ характеръ пустой ученой игрушки; она тотчасъ заняла въ его созерцаніи то мѣсто, которое принадлежитъ ей въ живой связи человѣческихъ знаній; свѣтъ общей мысли животворилъ всѣ эти тысячи корней и звуковыхъ видоизмѣненій изъ всевозможныхъ языковъ, хранившіяся въ его памяти, и потому такой громадный лингвистическій матеріалъ былъ легкимъ бременемъ для его ума». Погодинъ съ восторгомъ вспоминаетъ тѣ минуты, когда Хомяковъ, одушевленный живою бесѣдою, пускался въ тонкости филологическихъ изысканій. «Слушая изслѣдованія Хомякова о происхожденіи словъ, путешествуя съ его корнями изъ глубины санскрита въ готскую Библию Ульфила и къ славнымъ памятникамъ Кирилла и Меѳодія, преслѣдуя съ нимъ развитіе грамматическихъ формъ, перерожденіе звуковъ, по всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ и семитическимъ, не знаешь, бывало, чему удивляться больше: пронзительности ли его умственного взора, силъ ли его славянской догадки, или его вдохновенному, поэтическому чутью. Онъ былъ рожденъ, казалось мнѣ тогда, замѣчаетъ Погодинъ, для филологіи, не той нищенской, что у насъ въ модѣ, а филологіи высшей, которая соприкасается съ одной стороны философіи, а съ другой—исторіи».

Благодаря такой филологической подготовкѣ, Хомяковъ имѣлъ доступъ къ плодамъ человѣческой мысли всѣхъ временъ и народовъ, а феноменальная память обуславливала легкое усвоеніе ихъ; этимъ объясняется та универсальность знаній, которую единогласно признаютъ въ немъ всѣ близко знавшіе его современники. «Хомяковъ, говоритъ Кошелевъ, интересовался всѣмъ, имѣлъ обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ человѣческаго знанія, и не было предмета, который былъ бы ему чуждъ или въ которомъ бы онъ не принималъ участія». «Во всѣхъ отрасляхъ знанія, подтверждаетъ Коссовичъ, начиная съ философіи и оканчивая механикой, въ исторіи народовъ и въ исторіи религій, въ эстетикѣ и политикѣ, въ опредѣленіи сущности христіанскихъ церквей и въ опредѣленіи сущности индо-европейскихъ языковъ, въ археологій и юриспруденціи, во всемъ онъ совмѣщалъ полное знакомство съ выработаннымъ доселѣ мате-

ріаломъ, и въ то же время съ совершенною самобытною взглядомъ». Погодинъ, указавъ на обширность познаній Хомякова въ области богословія, философіи, исторіи, філологіи, міеологіи и другихъ отраслей знанія, продолжаетъ: «И въ то же время Хомяковъ писалъ проэкты объ освобожденіи крестьянъ за много лѣтъ до состоявшихся рескриптовъ, предлагалъ планы земскихъ банковъ, или, по поводу газетныхъ извѣстій, на ту пору полученныхъ, распредѣлялъ границы американскихъ республикъ, указывалъ дорогу судамъ, искавшимъ Франклина, анализировалъ до малѣйшей подробности сраженія Наполеонова, читалъ наизусть по цѣлымъ страницамъ изъ Шекспира, Гете или Байрона, излагалъ ученіе Эдды и буддійскую космогонію. И въ то же время Хомяковъ изобрѣтаетъ какую-то машину съ двойнымъ давленіемъ, которую посылаетъ на англійскую всемірную выставку и беретъ привиллегію; сочиняетъ какое-то ружье, которое хватаетъ дальше всѣхъ, предлагаетъ новые способы винокуренія и сахароваренія, лѣчитъ гомеопатіей всѣ болѣзни на нѣскольбо верстъ въ окружности, скачетъ по полямъ съ борзыми собаками зимней порошею за зайцами и описываетъ всѣ достоинства и недостатки собакъ и лошадей, какъ самый опытный охотникъ, получаетъ первый призъ въ обществѣ стрѣлян्या въ цѣль, а ввечеру является къ вамъ съ сочиненными имъ тогда же анекдотами о какомъ-то дикомъ прелатѣ, пойманномъ въ востромскихъ лѣсахъ, о ревности какого-то пермсаго исправника въ распространеніи христіанской вѣры, за которое былъ онъ представленъ къ св. Владиміру, но не могъ получить его, потому что оказался мусульманиномъ. А извѣстія, слышанныя имъ у любезныхъ сосѣдей и сосѣдовъ... Явился Хомяковъ, и все собраніе заливається единодушнымъ хохотомъ, у самыхъ угрюмыхъ посѣтителей разглаживаются всѣ морщины, всѣ заботы позабываются и, съ первыхъ словъ начинается споръ, споръ горячій о предметахъ первостепенной важности, или, все равно, о предметахъ самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ. Любопытнѣе всего то, что самъ Хомяковъ считалъ себя рожденнымъ для живописи, много работалъ въ этомъ направленіи и успѣлъ настолько, что въ Парижѣ получилъ заказъ написать икону для одной изъ католическихъ церквей. Онъ былъ также тонкимъ знаткомъ архитектурнаго искусства. Разсказываютъ, что одинъ, незнавшій Хомякова архитекторъ, послѣ случайной бесѣды съ нимъ, призналъ въ немъ

специалиста въ области своей профессіи. Разносторонность эрудиціи Хомякова была настолько велика, что онъ часто обнаруживалъ спеціальныя знанія въ такихъ областяхъ, которыя, какъ казалось даже близко знавшимъ его людямъ, должны были быть ему совершенно неизвѣстны. Однажды Хомяковъ приглашенъ былъ на вечеръ къ Свербеевымъ для бесѣды съ лицомъ, только что возвратившимся съ Алеутскихъ острововъ. «Ну, другъ Хомяковъ, шутилъ надъ нимъ по пути Кошелевъ, придется тебѣ нынче послушать и помолчать». Въ началѣ вечера, дѣйствительно, Хомяковъ долго слушалъ этого заѣзжаго русскаго, спрашивалъ его подробно насчетъ Алеутскихъ острововъ, но подъ конецъ высказалъ ему по этому предмету такія свѣдѣнія и соображенія, что путешественнику, по словамъ того же Кошелева, «почти приходилось обратить оглобли и ѣхать отсюда приѣхалъ, для окончательнаго ознакомленія съ мѣстами, гдѣ онъ пробылъ уже нѣсколько лѣтъ».

Люди, измѣрившіе способности Хомякова шаблоннымъ аршиномъ, находили невозможнымъ, чтобы въ одной головѣ совмѣщалась такая универсальность научно-обоснованнаго спеціальнаго знанія и поэтому называли его диллетантомъ. Противъ такого отзыва возсталъ еще Гильфердингъ. Дѣйствительно, Хомяковъ и диллетантизмъ — понятія несовмѣстимыя. Диллетантами въ наукѣ обыкновенно называются люди, которые, не имѣя почему нибудь доступа къ первоисточникамъ, получаютъ свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ и поэтому вынуждены бываютъ принимать многое на вѣру. Ничего подобнаго нельзя сказать о Хомяковѣ. Человѣкъ, изучавшій рукописи, читавшій въ подлинникъ Ригъ-Веду, переводившій Тацитову Германію, дѣлавшій открытія и усовершенствованія въ области физики и механики, анализировавшій до мельчайшихъ подробностей логику Гегеля и поразившій ее въ самомъ ея основаніи,—такой человѣкъ не могъ быть диллетантомъ. Диллетантизмъ просто противенъ былъ натурѣ Хомякова, глубокой, самобытно-оригинальной, все подвергавшей изслѣдованію и принимавшей лишь то, что въ состояніи было устоять противъ его всеокрушающей критики, что оправдывалось его строгой, неумолимой логикой. Требуя, чтобы всякое положеніе утверждалось на достаточномъ основаніи, Хомяковъ, во имя истины, не щадилъ ни враговъ, ни друзей, что для людей, привыкшихъ къ узкой партійности, казалось

противорѣчіемъ. Для такого рода людей было совершенно непонятно, какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ вчера поражать противниковъ извѣстнаго положенія, а сегодня съ тою же энергіей поражать его защитниковъ. Въ дѣйствительности же, поражая защитниковъ, Хомяковъ направлялъ свои удары не противъ защищаемаго ими положенія, а противъ ихъ логики, которую онъ признавалъ несостоятельною. Его чистый какъ алмазъ умъ, его честная натура, не мирились съ ложью, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. Былъ у Хомякова одинъ діалектическій приѣмъ, который озадачивалъ даже хорошо знавшихъ его людей. Когда Хомяковъ встрѣчался съ какимъ нибудь ограниченнымъ собесѣдникомъ, противъ тупости котораго оказывались безсильными всѣ обычные приемы его діалектики, онъ вдругъ поражалъ его какимъ нибудь замысловатымъ софизмомъ или неожиданнымъ парадоксомъ, выраженнымъ обыкновенно въ формѣ лаконическаго афоризма. Ошеломленный противникъ раскрывалъ глаза, усиливалъ вниманіе, а между тѣмъ Хомяковъ, пользуясь минутой, открывалъ канонаду съ другой стороны и такъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока или заставлялъ своего противника согласиться съ нимъ, или приводилъ его въ полное изнеможеніе умственное и физическое. Когда однажды Кошелевъ упрекнулъ Хомякова въ томъ, что онъ прибѣгаетъ къ подобнымъ приѣмамъ, Хомяковъ отвѣтилъ: «Наше общество такъ апатично, такъ сонливо и понятія его покоятся подъ такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотомъ пробивать кору ихъ умственнаго бездѣйствія и безсмыслія».

Указанная разбросанность дѣятельности Хомякова не мѣшала ему однакожъ оказывать нѣкоторымъ наукамъ особенное вниманіе. Къ такимъ наукамъ, кромѣ філологіи, относились исторія и науки философско-богословскія.

Плодомъ его историческихъ занятій, кромѣ отдѣльныхъ статей по русской исторіи явился огромный трудъ по исторіи всеобщей, содержащій въ нынѣшнемъ изданіи свыше 1500 страницъ и обнимающій исторію съ ея древнѣйшихъ временъ до половины среднихъ вѣковъ. Любопытны условія, при которыхъ этотъ трудъ получилъ свое начало. Хомяковъ, никогда не занимавшій профессорской катедры, не лишенъ былъ однакожъ слушателей, которымъ позавидовалъ бы любой профессоръ: это былъ цвѣтъ тогдашней московской интеллигенціи, собиравшейся по преимуществу у него

самого, у Елагиной, Кирѣевскихъ, Свербеевыхъ, Кошелевыхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ домахъ. Въ числѣ посѣтителей этихъ собраній было нѣсколько молодыхъ людей, которые, восторгаясь глубиною и оригинальностью взглядовъ Хомякова, постоянно преслѣдовали его просьбою записывать то, что онъ говорилъ на вечерахъ. Но Хомяковъ былъ неумолимъ, отговариваясь обыкновенно тѣмъ, что для сколько нибудь систематической работы у него не готовъ матеріалъ. Тогда эти гонители и мучители, какъ называлъ Хомяковъ своихъ почитателей, составили противъ него настоящій заговоръ, во главѣ котораго сталъ его племянникъ по женѣ, извѣстный Д. А. Валуевъ, и къ которому примкнула и сама жена Хомякова. Юный Валуевъ, несмотря на значительную разницу въ лѣтахъ, пользовался горячею привязанностью Хомякова и имѣлъ на своего старшаго друга большое вліяніе. Пользуясь этимъ вліяніемъ, Валуевъ взялъ съ него честное слово, что онъ каждый день будетъ употреблять одинъ часъ на записываніе того, что вчера говорилось имъ по исторіи или что онъ еще будетъ говорить сегодня. А чтобы положить дѣлу начало, Валуевъ приготовилъ ему тетрадь, сшилъ ее, припасъ перья и въ шутку заперъ его на ключъ въ его же собственномъ кабинетѣ на условленное время, а ключъ унесъ съ собою. Подобный пріемъ потомъ не разъ приходилось повторять Валуеву, пока наконецъ Хомяковъ не втянулся въ эту работу. Хомяковъ писалъ, но что именно онъ писалъ, это почти никому не было извѣстно. Однажды Гоголь, заставъ его за письменнымъ столомъ и заглянувъ въ тетрадь почтовой бумаги, которую другъ его покрывалъ своимъ мельчайшимъ бисернымъ почеркомъ, прочелъ тутъ имя Семирамиды. «Алексѣй Степановичъ Семирамиду пишетъ!» сказалъ онъ кому-то, и съ того времени это никому неизвѣстное сочиненіе среди друзей стало называться Семирамидой. «Семирамида» Хомякова увидѣла свѣтъ только послѣ его смерти и издана была его ученикомъ и другомъ, Гильфердингомъ, предпославшимъ самому сочиненію краткое, но цѣнное предисловіе. По своему характеру этотъ трудъ Хомякова не похожъ на тѣ исторіи, которыя обыкновенно писались раньше: это подробная схема, имѣющая цѣлью показать, «какимъ образомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, во-первыхъ, жизнь всѣхъ племенъ земного шара была поставлена въ надлежащее соотношеніе; чтобы, во-вторыхъ, славянскому пле-